

Эвенкийская гидроэлектростанция (Туруханская ГЭС)—проектируемая ГЭС на реке Нижняя Тунгуска, в Красноярском крае. В случае реализации проекта станет крупнейшей ГЭС России и одной из самых крупных в мире.

Технические характеристики:

Проектная мощность ГЭС—от 8 тыс. до 12 тыс. мвт, среднегодовая выработка—46 млрд. кВт·ч. Возможно увеличение мощности ГЭС до 20 тыс. мвт при той же выработке с целью использования водохранилища ГЭС как государственного энергетического резерва. Плотины ГЭС должны создать Эвенкийское (Туруханское) водохранилище площадью 9400 км², полным и полезным объёмом 409,4 и 101,0 км³ соответственно, длиной около 1200 км. При этом будет необходимо переселить 8 тыс. человек, в том числе из попадающего в зону затопления посёлка Тура—5,5 тыс. человек. Объём лесосводки на ложе водохранилища оценивается в 4,7 млн. м³.

Электроэнергия ГЭС должна передаваться в Тюменскую область и далее в Европейскую часть России по двум ЛЭП постоянного тока напряжением 1500 кВ протяжённостью 3500 км, не имеющим аналогов в России. Также данные ЛЭП позволят объединить с объединённой энергосистемой изолированный Норильский район, что позволит приступить к реализации других гидроэнергетических проектов.

Общая стоимость строительства (включая ЛЭП) оценивается в \$11,9 млрд. Финансирование проектно-изыскательских работ по ГЭС включено в инвестиционную программу ГидроОГК на 2007 год.

(Из Википедии—свободной энциклопедии)

Поутру река дохнула туманом—вязким, седым, как дым из раскуренной трубки, белёсым заволокла огород и дальние избы. Вскрипывая ступенями, Хадиуль зашёл на крыльцо, прищурившись, долго смотрел в кисейно-белое, клубящееся вдоль неподрезанных яблонь, затем чиркнул зажигалкой и закурил, прикрываясь рукою от ветра.

— Деда, а деда! Когда вещички-то упаковывать будешь?—гыгыкнуло от забора, раскатисто, с хрипотцой.—Полный сарай барахла... ты, эта... того, заранее начинай ковыряться, гы!

Хадиуль обернулся, всматриваясь в туманом размытые доски забора, там, где заканчивался огород и, притоптанная колёсами шин, начиналась дорога. Сосед был привычно нетрезв и по-непривычному суетлив, яблочко-красное сморщенное лицо его расплылось в улыбке навстречу вопрошительному взгляду Хадиуля.

— Я не шучу, деда! Жена от начальства пришла— всё, говорит, дело решённое! Нашёлся на нас инвестор, аж из самой Москвы...—сосед закашлялся, словно бы подавившись словами,—аж из Москвы приезжали, во-он там, говорят,—скрюченный соседов палец упёрся куда-то вперёд, за сараи, туда, где ярилась туманом Тунгуска,—станцию на реке будут ставить. А нас... того, в расселение. Затопят всё здесь к чёртовой бабушке. Оно и правильно. Чего жалеть-то—гнилые дома, жучками подожранные? А нам квартиры дадут, в Красноярске, со всеми удобствами...—он сладко прижмурился, будто вдыхая в себя—бензиновыми парами пропитанный воздух красноярских дорог, цветоперекличку огней на широких улицах города.—Деда, ты чего молчишь-то?

— Думаю,—Хадиуль сплюнул под ноги дымящийся сизым окурком, растёр ботинком в чёрную жидкую кашицу.—Как это можно—взять и всё затопить, хорошие земли болотами сделать?... Жалеть, говоришь, нечего? А я вот жалею. И квартира эта городская мне ни к чему—я в чуме вырос... —А кто тебя, старого, спросит?—заперхал кашлем сосед и серая, выдавшая виды кепка на голове его запрыгала, кивая козырьком Хадиулю.—Начальство сказала—расселять, значит, расселимся, как и положено! Думает он, вишь ты... жалеет своё гнильё... Ты это брось, деда! Ты это, значит... того!

Хлопнув напоследок рукой по занозистым доскам, он двинулся прочь, бормоча на ходу что-то уже неразличимое Хадиулю, нырнул с головою в туман, поглотивший собой кусты и дорогу, словно сизые волны Тунгуски—берег в долгое весеннее половодье, когда Хадиуль привязывал лодку у самой огады, и на огороде пахло свежей осокой и рыбной чешуёй от подступившей реки.

Хадиуль спустился к сараю. Мхом заросший по самую крышу, тот встретил хозяина темной и шуршаньем жучиных лапок, белёсыми, как туман, клоками паутины под потолком и болезненно

скрипнувшей дверью. Хадиуль щёлкнул выключателем—и, пронзённые ярким светом, пылинки взвились перед лицом его, опали на сложенные грудой шесты, торчащие из темноты, точно кости гигантского мамонта, на траченные молью олених шкуры, покрывавшие их.

—Давно я не брал тебя в руки... очень давно...— под грудами досок что-то белело, точно туман с реки, просочившийся сквозь щелястые стены сарая, озерцом расплывшийся в куче оленьих шкур. Хадиуль протянул ладони, бережно высвобождая от пыли и меха—округлый, костяной, жалостно звякнувший в руках его бубен—белый, как холодные облака в ясно-солнечном небе, с чёрным угловатым кругом по центру.—Давно не брал, обленился... а теперь плохо всё стало... поздно уже... или ещё не поздно?

Он поднял голову к потолку в дрожащих желтоватых потёках лампочкового света, в паучьих дорожках вдоль досок, трепещущих от сквозняков. Сарай скрипел—деревянными, гнилью тронутыми рёбрами, крепко вросшими в землю, точно зверь, пробудившийся от многолетнего сна, хищно скалился треснувшими досками балок—зверь, чьё чрево хранило в себе эти годы, берегло, укрывало ковром из дымчатой пыли—мёртвые стада оленей, их пробитые пулями шкуры, их рога, полированные до блеска... разметав в стороны тонкие ноги, они мчались по подолу мехового кафтана—выточенные из железа фигурки, бросали пугливые взгляды с медных бляшек нагрудника—олени, убежавшие прочь от стремительно наступавшей воды, ищущие защиты на редких болотных островках.

Хадиуль отложил в сторону—кафтан и нагрудник, бубен и деревянную колотушку с оленями, гневно вставшими на дыбы. Охристой, выцветшей от времени краской нарисованные глаза их смотрели в глаза Хадиуля, пока Хадиуль не почувствовал, как туман, коварная речная дымка, хлынувшая вдруг через стены сарая, пробирается под веки ему, каплями оседает на занемевших щеках.

Промокнув рукавом глаза, Хадиуль поднялся на ноги.

—Посмотрим ещё, кто кого...—шепнул он в пыльную пропитанную сарайную полутьму.—Поздно—оно никогда не бывает.

И медные бубенцы на кафтане звякнули ему в ответ—копытцами оленей по мокрозвонким камням, и туманом плеснула приоткрытая дверь.

Вступительное слово от протокольной группы общественных слушаний по проекту Технического задания на ОВОС Эвенкийского гидроузла:

«Работы проводятся по заданию и решению правительства РФ. Эвенкийский гидроузел является

объектом федерального значения и стратегического значения, обеспечивающим энергетическую, экономическую и политическую безопасность страны.

Воздействие на окружающую среду должно быть детально рассмотрено, будет сделан специальный документ. Просим помощи в дополнении проекта ТЗ, чтобы учесть все необходимые аспекты.

Задача оценки воздействия на окружающую среду состоит в том, чтобы выявить все возможные положительные и отрицательные воздействия на окружающую среду. В случае положительных воздействий—постараться усилить их, а в случае отрицательных воздействий—разработать необходимые мероприятия для минимизации или полного их сокращения.

В процессе проведения ОВОС будет проведена оценка исходного состояния и возможного воздействия на атмосферу, гидросферу, территорию и геологическую среду, растительность, животный мир, территории традиционного природопользования (в том числе оленеводство, охота, рыболовство), хозяйственную деятельность, условия проживания и здоровье населения. Далее предполагается разработка прогнозов и предложений по составу и объёму мероприятий».

Комментарий от одного из жителей посёлков, присутствующего на слушаниях:

«Нас и спрашивать не будут. Какие могут быть предложения, если за нас уже всё решили?»

(Из информационного отчёта ОАО «Ленгидропроект ГидроОГК»—«Эвенкийский гидроузел на реке Нижняя Тунгуска. Обоснование инвестиций. Оценка воздействия на окружающую среду. Приложение 3. Протокол выступлений, предложений, вопросов и ответов»)

Раскалённо-красное солнце падало в воды Тунгуски, с шипом гасло, разливаясь по небу утихающими волнами пламени. Хадиуль шёл вдоль берега по мокрой, ускользающей из-под ноги гальке, вёл за повод жалко взмывающего телёнка. Вскоре изгибы Тунгуски вывели его к огромной, точно выставленная в небо великанская длань, солнцем выбеленной каменной гряде, у подножья которой, намертво вросшая в камень, кренилась к земле угловатая ель с плоской, словно бы ножом срезанной вершиной.

Хадиуль остановился. Скинув наземь давящий плечи турсук¹, сел на корточки—прямо против толстого корня, змеем вьющегося вдоль травы, в серых чешуйках еловой коры и юрких муравьиных дорожках. Костёр капризничал, долго не хотел разгораться, чихая дымом в вечерующий, холодом реки пропитанный воздух; когда же, разворошённый суковатою веткой, он наконец занялся—Хадиуль вынул из турсука стальную

.....
1. Турсук—берестяной короб.

походную фляжку, залпом, не морщась, осушил пахнущий елью и травами терпкий мухоморный отвар.

Сумерки напоздали из леса, становились всё синее и гуще, подсвеченные зарево-красным, ветер гнал облака над вечерней Тунгуской. Хадиуль поднял голову к небу, туда, где, укрытая елью, белела замершим облаком верхушка скалы, прямая, точно указующий перст.

— Пора.

...В круглых бессмысленных глазах телёнка метнулся страх, едва, прижав к камню толстую телячью шею, Хадиуль чиркнул ножом, перерубая горло, вспучившееся в крике, и тёплая, дымящаяся кровь плеснула к подножию ели, окрасила красным жадно разъявленные щели камней.

— Ешьте, пока не насытитесь,— Хадиуль отступил в сторону, шатаясь, бережно опустил наземь отяжелевшего вдрут, точно камень, телёнка.

Зыбкие, как прибрежный туман, прозрачно-белые, они летели из леса, беззвучно двигали крыльями, обивая наземь еловые шишки—дúхи, бесчисленные сонмы духов, явившихся пировать вместе с ним.

— Угощайтесь, почтенные.

Скрестив враз ослабевшие ноги, Хадиуль присел у костра, ладонями, вымазанными в крови, провёл по губам, снимая с пальцев тягучее сладковато-солёное лакомство. Чирикая по-синичьи, духи порхали над ним, роняли в траву невесомо-лёгкие перья, а после густо, как мухи, покрыли собой кровью залитую телячью тушу, забили клювами в грязно-пятнистую шкуру: тс-сок, тс-сок...

— Пора.

Хадиуль ударил в бубен, раскатами грома взревший над елями, и вслед ему из леса откликнулись чьи-то шаги, тяжёлые, по-медвежьи грузные.

Лапами раздвигая в стороны торчащие ветки, он шёл из леса навстречу призыву, и камни гудели под ногами его, и порскали из-под ног белоснежные зайцы:

— Гра-а! — он встал у скалы, макушкой— выше самых высоких елей, в бурых медвежьих шкурах, окутывающих тело его, смотрел на Хадиуля оскаленной медвежьей мордой— сам гневный Хозяин Тайги², явившийся за своим угощением.— Агр-р!

Легко, точно пушинку, он поднял телячью тушу на коготь, поднёс к необъятной пещерой раскрытому рту, и в чёрных, разлившихся между елями сумерках блеснули острые, как кинжалы, клыки, и хруст донёлся до ушей Хадиуля.

— Га-ар? — погашенный смрадным дыханием, костёр всхлипнул напоследок дымком, оставив Хадиуля во тьме, сквозь которую красным светили медвежьи глаза, оказавшиеся вдрут как-то не по-доброму близко. Опустившись на четвереньки, Хозяин Тайги указал ему лапой на спину: мол, залезай,—и Хадиуль не посмел послушаться.— Агар-рх!

Путаясь в войлочно-душной шерсти, Хадиуль взобрался на загривок, и тотчас же точно живая гора закачалась под ним, подымаясь, и прыгнули вниз разлаписто-колкие ели. Ногами—к земле, головою—к чёрному небу, он, как скала, стоял над Тунгуской—медвежьепалый Хозяин Тайги, и Хадиуль сидел на плече его, и духи, чвиркая, кружились поодаль. А потом—Хозяин махнул когтистой рукою, отгоняя духов, словно назойливую мошкарку, и сделал шаг—туда, на тот берег Тунгуски, заросший каменными валунами, облитыми речною пеной, и камни с хрустом промялись под пятою его.

— Гар-рх! Гра-а!

На небе показались первые звёзды, выпали молочными каплями из вымени небесной лосихи. Лосиха украла солнце, спрятала в пасти своей, среди слюны и непрожёванных трав, и мчалась по небу, убегая от метких стрел охотника Манги, пока одна из них не нагнала её, не окровавила красным тонкую шею... Хадиуль облизнул губы, ещё горчащие солоноватым привкусом, прищурясь, глянул вперёд. Зверь нёс его на запад—туда, вслед за исчезающим солнцем в разъявленной пасти лосихи, через поля и таёжные буреломы, озёра и реки, ощерившийся скалами горный хребет, и—пахнущими гнилью проплешинами на земле—людские города, даже ночью полные света и суетливых, никчемных звуков. Расстеленной оленью шкурой лежала под ногами земля, опоясанная девятью горами, реками рассечённая на девяносто девять кусков³, и не в человеческой власти было затапливать их, чтобы дать ещё больше света своим городам...

— Гх-хар!

Хозяин остановился перед самой большой из земных проплешин, усеянной бледными наростами зданий, сочащейся гнойниками света так, что было больно глазам, и, наклонившись, поднёс Хадиуля к одному из домов—высокому, ярко светящему окнами, дыханьем заставил распахнуться одно из них.

—...миллиардов долларов инвестиций... не будут протестовать, все подпишут как миленькие... да это же золотое дно, настоящий Клондайк, хе-хе... Да кто вообще думает о потерях при транспортировке?... Главное—освоить...—оглушило слух Хадиуля.

Он стоял посреди огнями освещённого зала, напротив стола, заваленного бумагами, за которым сидели двое—гладко выбритые, в строгих серых костюмах, жмущих руки друг другу над

.....

2. Хозяин Тайги—дух в образе гигантского медведя, один из помощников шамана.

3. Земля, по поверьям эвенков,—это расстеленная оленья шкура с девятью горами и девяносто девятью реками, а небо—дырявая оленья шкура, натянутая сверху, со звёздами, светящими в дыры.

кипами каких-то бумаг, улыбающихся мёртвыми, костяными улыбками.

— ...Так, значит, решённое... А это ещё кто?! Охрана!

Хадиуль попятился, сшибив по дороге стул, не глядя цапнул со стола одну из бумажек, и бурая мягко-шерстистая лапа Хозяина просунулась вслед за ним из окна, сгребла осторожно в охапку, водружая на плечи.

Зверь сделал шаг — и всё исчезло: огнями сияющая городская проплешь, тайга под ногами и бесконечно высокие горы. Хадиуль очнулся — один у затушенного костра, под скалой⁴ с елью у ног её — с плоской, словно бы ножом срезанной вершиной, и рядом стыла мухами облепленная телячья туша, и рыжим занимался рассвет. Хадиуль разжал ладонь, сведённую болезненной судорогой, — в ладони лежал обрывок бумаги, мокрый от пота, с поплывшими буквами. «Проект строительства Эвенкийской ГЭС. Утверждено...» — смог разоб- рать он, подслеповато вчитываясь в напечатанное, а дальше читать уже не имело смысла.

— Значит, правду сказал сосед — всё решили уже и не успокоятся, пока решение их в силу не вступит... — раздумчиво сказал Хадиуль в холодную предрассветную тишину. — Но мы ещё посмотрим, кто кого... мы всё же — посмотрим.

И выточенный из железа медведь на кафтане шевельнул в ответ жестяною когтистой лапой, и солнечно-рыжим окрасило солнце звериную морду его.

ОАО «ГидрогК» планирует строительство Эвенкийской (Туруханской) ГЭС в Эвенкийском районе Красноярского края (территория бывшего Эвенкийского автономного округа). Эту крупнейшую в России и одну из крупнейших в мире ГЭС предполагается построить на реке Нижняя Тунгуска.

По данным экспертов, в результате строительства ГЭС будет затоплено около 1 млн га уникальных лиственничных лесов (один из крупнейших сохранившихся в России массивов малонарушенных лесов, что подтверждено отечественными и международными исследованиями), практически не затронутых хозяйственной деятельностью человека и чрезвычайно важных для сохранения биологического разнообразия и поддержания экологического баланса не только России, но и планеты. В частности, согласно исследованиям Российской академии наук, эти леса играют важнейшую роль в поддержании углеродного баланса и, соответственно, в сдерживании глобальных климатических изменений.

Следует отметить, что последствия строительства столь крупного гидротехнического сооружения в условиях хрупкой экосистемы Севера

непредсказуемы, но гарантированно приведут к необратимым изменениям природной среды на территориях, значительно превышающих по площади зону строительства и затопления.

В результате строительства Эвенкийской ГЭС будут уничтожены ключевые территории традиционного природопользования эвенков — коренного малочисленного народа Российской Федерации. Затоплению подлежит даже административный центр Эвенкийского района — бывшая столица Эвенкийского автономного округа посёлок Тура.

Иными словами, строительство Эвенкийской ГЭС может привести к уничтожению значительной части эвенков, поскольку разрушает основы их культуры и хозяйства, самой системы жизни этого народа в условиях сурового климата.

(Из «Обращения экологических общественных организаций по поводу планов строительства Эвенкийской (Туруханской) ГЭС в Красноярском крае»)

Первый снег выпал рано — ещё до октябрьских заморозков, белой секучей крупую сыпался из прохудившихся туч над Тунгуской, стаивал под ногами, впитываясь в прибрежные гольши. Хадиуль поднял голову к серому, смурной пеленой стянутому небу, прошитому наискось чёрными нитями улетающих стай, затем перевёл глаза к поплавку. Удилище дёрнулось под руками, раз и другой, повело в сторону, вырываясь. Хадиуль сжал ладонь поплотнее, упёршись ногами в гальку, с силой потянул на себя. Мощным серебристо-сезуичатым телом взрывая Тунгуску, в воздух взлетела огромная щука, обдав брызгами Хадиуля, шлёпнулась к унтам его, изогнувшись, затихла, оглушённо зевая зубастую пастью.

Хадиуль вытер со лба накатившие градины пота. Просоленные снежной крупую, серебрились на камнях округлые рыбы бока, и волнами шептала Тунгуска, и чёрная, точно указующий перст, великанская тень подползала к воде, делила надвое берег — скала, подобная выставленной в небо ладони, с елью, накрепко вросшей в камень у подножья её.

— Пора.

Хадиуль пил, не чувствуя вкуса, глотал грибно-кислый мухоморный отвар из наполненной фляжки, пока она вновь не сделалась пустою и звонкой, а в животе Хадиуля не осела тяжесть от выпитого. Хадиуль посмотрел на скалу. Содрогаюсь от стылого ветра, тень её колыхалась по берегу, оставляя обрывки себя на камнях и прибрежном кустарнике, вспучивалась чёрными болотными кочками у самой воды, пока одна из них, дутый земляной волдырь, вдруг не лопнула прямо на глазах Хадиуля, выпуская наружу человечью голову с острыми, будто у щуки, зубами.

— Гам-мк! — сказала голова, дико вращая зрачками. — Ум-м... гам-мк!

4. Усвященных скал, олицетворяющих «камень от земли до небес», шаманы проводили свои обряды.

Зубы её, кривые и тонкие, иглами проткнули опавший беспомощно щучий хвост, зашлись в движении, втягивая между собой сизую путаницу рыбьих кишок.

— Гам-м... ум-мк!

— Ешь, — ласково сказал Хадиуль, присаживаясь рядом на корточках. — Угощайся, почтеннейший Харги⁵.

И — дёрнул за леску, подсекая.

— Ау-ум! — взъярилась пойманная на крючок голова. — Уинг-гам! — затрясла подбородком, силясь выплюнуть проглоченную вместе с крючком опаснейшую приманку. — Ям-мг!

Чёрный, шерстью заросший коготь выметнулся из-под земли откуда-то за спиной Хадиуля, молнией взлетел над его головой, рассыпая в полёте снежинки.

Хадиуль обернулся.

— Я не боюсь тебя, Хозяин Нижнего мира⁶. А твой страх — он вот здесь, — свободной рукой он взял из-за пояса колотушку, гулко стукнул в бубен, ветром бьющийся на груди, за мгновение до того, как коготь опустился на темя, погружая мир вокруг в молчание и темноту.

А когда Хадиуль вновь открыл глаза — мир был бесснежным и серым. Только хлюпала под ногами вода, и чешуйчато-слизкие стены окружали его, шевелились, вздыхая, обдавали ноздри запахом гнили. Он по-прежнему сжимал в руках удочку, точно поводья коня, а на обратном конце её в гнильно-серой грязи билась пойманная Харги, дул губами красные, кровью исходящие пузыри. Наливаясь дыханьем, они рвались вверх, к потолку, лопались, оставляя на стенах рваные кляксы.

— Ам-мг! — плакал Харги, не сводя с Хадиуля умильных, слезами залитых глаз. — Амгу-ум гам! — Веди.

Хадиуль дёрнул за удочку, и Харги пополз, точно червяк, культями изъязвлённых ног толкаясь по размокшей грязи. Воды становилось всё больше и больше; ручейками стекая со стен, она сливалась в реку, огромную, от края до края пещеры. Харги остановился, с опаской трогая воду когтем, вопросительно глянул на Хадиуля:

— Ам-мрг?

— Подождать надо, — Хадиуль пожал плечами, всматриваясь в мёртвые, гниюще-серые воды, выносящие к ногам его слизь и рыбную требуху. — Куда торопиться-то?

— Амгиур-р! Тьфу! Тьфу! — Харги разразился плевками.

Белые, как снег, зловонно-густые, они падали на кафтан и руки Хадиуля, прожигая кожу до бугрящихся язв, и Харги визжал, заходясь слюною и гневом, и гулки, великански-тяжёлые шаги слышались вдруг за спиной Хадиуля.

— Амр-р! Уг-грам! — радостно пискнул Харги, распластавшись в грязи. — Умгр-р агум-м!

Хадиуль посмотрел за спину.

Точно сама темнота, стусившись в склизко-чёрное, стояла за спиной его — расплзшееся в стороны беспальное и безголовое чудовище, утробно рычала зубастой пастью, торчащей посреди живота. — Хум-м... — беспальная лапа протянулась к руке Хадиуля, рванув, разломала надвое удилице. — Хум-м га-а...

Харги двинулся в рост, будто созревшее тесто, пыхтел, раздуваясь всё больше и больше, культями взбивая грязево-чёрную жижу, шерстью заросшею головой упираясь под раздвигающийся ввысь потолок.

— Амгриур-р! — своды пещеры треснули, выпуская Харги наружу, осыпали Хадиуля седым снегопадом пыли. — Аумг-наг! — донеслось до Хадиуля откуда-то сверху, и наступила тишина — мокрая, обволакивающе-чёрная, хумкающая водными каплями по стенам пещеры.

— Хум-м? — обижено спросила тишина, до хруста в рёбрах обнимая Хадиуля руками-теньями. — Хум-м гам-м...

Пасть причмокнула где-то рядом, прямо под ухом у Хадиуля, придвинулась, обдавая запахом гноя и гнили, и Хадиуль вынул бубен из последних не пойми откуда взявшихся сил и дал колотушкой по бубну, разрывая тишину на куски, истекающие сизой щучьей кровью и слизью.

— Хум-м... — вздохнуло за плечом напоследок, и хватка разжалась.

Хадиуль стоял у берега, а перед ним колыхался плот из рыбьих спин⁷, и тускло блестели мёртвые рыбы глаза, и рассекали воду полусгнившие плавники, и Хадиуль ступил на плот, чуть покачнувшийся под ногами, и, оттолкнувшись остатками удилица, поплыл...

... между остовов из мёртвых китов и заржавленных консервных банок, вдоль порогов, грозящих

5. Харги — согласно поверьям эвенков, хозяин Нижнего мира, злой дух, от плевков которого в своё время к людям пришли несчастья и болезни. Вместо правой руки у него — человечья голова с оскаленными зубами, а на левой — огромный коготь, вместо ног — сгнившие культя до колен. Высовывает голову из-под земли, пугая людей. Проводник шамана в Нижний мир. Его помощник, Кандыках, — беспальное чудовище без головы, с пастью на животе, куда он бросает куски мяса.

6. Согласно верованиям эвенков, после смерти душа человека разделялась надвое, и одна её часть уходила в Нижний мир, поселяясь в стойбище мёртвых, где питалась кузнечиками и танцевала целыми днями, а другая — уходила в Верхний мир, в листовничную рощу, где в дуплах деревьев жили души нерождённых в виде синичек.

7. Стойбище мёртвых душ в Нижнем мире отделено рекой, через которую может переправиться только шаман на плоту из рыб.

камями из-под тёмной воды, и спиралью затягивающих водоворотов, мимо кочек, поросших битым стеклом и бутылками из полупрозрачного пластика...

...плыл, а над головою его светило яростно чёрное солнце и клубились гнойно-белые облака, сыпали наземь хлопьями чёрного пепла, а потом плот ткнулся о берег и затонул, и Хадиуль едва успел перепрыгнуть на сушу.

— Давно ты у нас не был, сынок, — перед Хадиулем стояла мать, прятала под передником руки, изжёванные старостью и тяжкой работой. — Я не в упрёк тебе, просто... не забывай нас, ладно? Пойдём в стойбище.

Она взяла его за руку, холодной, как лёд, ладонью прижала к себе ладонь Хадиуля, и они шли — мимо меланхолично жующих ягель оленей, мимо стариков с трубками, присевших у чумов, мимо кидających друг другу мячик детей. Хадиуль увидел меж них своего младшего брата, умершего от оспы ещё несмышлёным ребёнком. Брат помахал ему издали и снова вернулся к игре.

— Балуются, — умилённо сказала мать, не поворачивая головы. — А что делать-то здесь? Только играть да танцевать, пока силы не кончатся. Хорошо мы живём, сыночек, жизнь у нас теперь спокойная, добрая. Хочешь?

Она достала из-под передника связку сушёных кузнечиков, улыбаясь, протянула ему. Хадиуль мотнул головою, отказываясь. Губы матери искривились гримасой обиды; закинув кузнечиков за щёку, она с хрустом принялась их мять зубов лишёнными кровящими дёснами.

— Брезгуешь нашей пищей, сынок — а зря, она вкусная, вкуснее оленьего мяса. Мы все едим, и никто не болеет. Поешь — и так хорошо на душе... плясать хочется... А ну-ка пойдём в хоровод!

Хадиуль оглянулся. Стойбище стекалось к ним чёрными муравьиными ручейками, и все улыбались и с хрустом жевали кузнечиков, а после — подняли руки к небу, мёртвым пещерным сводом нависшему над головами, и стали плясать. И Хадиуль плясал вместе с ними, и мать цепко держала его за правую руку, и за левую — дед, и прадед его отплясывал рядом с отцом, и внук, захлебнувшийся молоком во младенчестве у материнской груди, ползал под унтами танцующих, привстав на незрелые ножки.

— Хоп, хоп, хоп! — кружились, всё убыстряясь, и чёрным сияло солнце над головой, слепило до мути в глазах, до волнами накатывающей тошноты. — Хоп, хоп, хоп!

Всё слилось в чёрный изломанный круг, краскою прорисованный круг на белом бубне шамана. Вырвав руку у матери, Хадиуль дал колотушкой по бубну, и танец закончился.

— Зря ты так, сынок... А я уж думала, останешься с нами надолго...

Они сидели в чуме, пахнущем рыбой и мертвечиной, и мать улыбалась по правую руку, и жухлые лапы кузнечиков торчали у неё изо рта, и по левую — беззубо скалился дед. Хадиуль вздохнул, отворачиваясь.

— Прости, мам. Ты же знаешь — мне немного осталось, и я должен успеть сделать всё, что следует сделать. И чем быстрее я добьюсь своего...

— Мы поможем, — сплюнула кузнечиков мать, — всем стойбищем тебе помочь будем! К внукам, правнукам нашим являться во снах, совестить их: почему молчите, почему голос против беззакония, что творится на вашей земле, не поднимаете?! Стыд и позор, скажем, от ваших предков... стыд и позор... Может, всё-таки хоть кусочек попробуешь, а? — просительно искривив губы, она протянула Хадиулю кузнечиков с тонкими, переламывающимися в пальцах лапками, и Хадиуль, не выдержав, взял, и поднёс к языку, ощущая на вкус...

...И тотчас же будто раскалённым железом прожгло язык, огненным злым прутом прокололо до самой гортани. Хадиуль согнулся от боли, рухнул, сгибая колени, в жестоком приступе рвоты, и непроглядно-чёрное плеснуло в глаза, вымывая из-под век его чум, тлеющий посредине костёр и костляво-бледные лица, а когда чернота развеялась — Хадиуль обнаружил себя на снегу, лежащего навзничь, руками обнимающего мокрые камни Тунгуски. И всё так же стояла скала, указующий в небо перст великанской руки, и тучи, тяжёлые снегом, клубились над нею, чуть задевая макушку, и, белым припорошённая, качалась на ветру ель.

Хадиуль сплонул наземь багровыми сгустками крови, и река тотчас смыла её, слизала пенными языками с прибрежных камней.

— Ничего, хорошо всё будет, — сказал Хадиуль, ладонью вытирая кровящие губы. — Посмотрим ещё, кто кого... и предки помогут, всем стойбищем, как и обещались. Им-то с этой земли некуда уходить.

И волнами шепнула Тунгуска в ответ, и серым качнулась тень по её воде.

Мы, жители Эвенкийского муниципального района Красноярского края, обращаемся к Вам с требованием приостановить разрушительные последствия для природы в связи со строительством крупнейшей в России ГЭС на реке Нижняя Тунгуска.

В настоящее время в Эвенкийском муниципальном районе сотрудники ОАО «ГидроОГК» (ОАО «РусГидро») от имени федерального правительства, как они говорят, проводят обсуждение технического задания и материалов «Оценки воздействия на окружающую среду Эвенкийской ГЭС на реке Нижняя Тунгуска».

При этом мнение населения по поводу строительства Эвенкийской ГЭС вряд ли будет учтено, так как научный руководитель изыскательной

экспедиции ооо «Бюро экологического и социального консалтинга» Котова М. В. сказала, что народ спрашивать никто не будет, строительство в любом случае начнётся.

В результате строительства Эвенкийской гэс под затопление попадают посёлки, в которых мы проживаем, охотничьи угодья, летне-осенние пастбища как дикого, так и домашнего оленя, которые расположены в долине Нижней Тунгуски и устьях впадающих в неё рек. Зимнее парение польны и увлажнение от водохранилища вызовет болезни оленей.

Наличие водохранилища на местах весенне-летнего выпаса приведёт к гибели дикого оленя.

Последствия строительства столь крупного гидротехнического сооружения в условиях хрупкой экосистемы Севера непредсказуемы, но они гарантировано приведут к необратимым изменениям природной среды на территориях, значительно превышающих по площади зону строительства и затопления. Почему для создания гигантской гэс выбран удалённый район, где на тысячи километров нет реальных потребителей электроэнергии?

Цена этой гэс — затопление огромной, важнейшей в природном отношении территории и уничтожение среды обитания эвенков.

Плотина разрушит транспортную систему Эвенкии, основанную на весеннем и осеннем проходах караванов речных судов. На сегодняшний день никаких вариантов замены судоходства для Эвенкии нет.

Генеральная схема размещения объектов энергетики рассматривает Эвенкийскую гэс лишь как резерв для энергосистемы Европейской части России. Транспортировка электроэнергии по лэп протяжённостью несколько тысяч километров создаёт огромные риски в надёжности энергоснабжения.

Просим Вас от имени жителей Эвенкийского муниципального района Красноярского края принять решение о недопустимости строительства Эвенкийской гэс.

(Из обращения жителей Эвенкии президенту РФ, губернатору Красноярского края и председателю местного Законодательного собрания)

Раскалённо-белые молнии били ввысь над Тунгуской, с грохотом прожигали насквозь грозное чёрное небо. Ветер рвал из рук Хадиуля шесты, парусом надувал мокро-тяжёлые, липнущие к ладоням оленьи шкуры, силился скovyрнуть недоделанный чум, точно раздражавший нарыв на ровном речном берегу. Упираясь унтами в гальку, спиной к гневно бьющейся пеной Тунгуске, Хадиуль прилагивал полог — в разноцветно-ленточной бахромке, с деревянными птицами, распахнувшими крылья в полёте. Затянув узлом последнюю из веревок, он юркнул вовнутрь, в уютно-сухое,

пахнущее дождём и слежалой сарайною пылью тёмное чрево чума, мягкими, шерстяными затворами сомкнувшееся вслед за ним, не давая дороги дождю. Поднёс зажигалку к сбережённому хвосту, пробуждая уснувший костёр. Сел, поджав под себя мокрые унты.

— Пора.

Мухоморное зелье горчило на вкус — застарелой сарайною плесенью и гниющими плавниками снулой рыбы, умирающей на камнях расплётной грозью Тунгуски. Хадиуль пил — отдышливо, до последней капли у самого дна, уцепившейся за стальной ободок, и всё злее, всё яростнее бушевала снаружи гроза, и кинжалы молний сверкали над пологом чума, а потом полог распахнулся с оглушительно-громким ударом, и трепещущее, вздерошенно-злое ветер вынес в лицо Хадиуля, окровавил щёки и нос остро-загнутыми когтями. — Кар-р! Кар-р! — распахнул над костром смоляно-чёрные крылья, ворон⁸ метил в лицо, спрятанное под завесью шаманской шапки, и глаза его, раскалённо-красные уголья, прожигали глаза Хадиуля, и ножами топорщились перья на широкой спине. — Кар-кар!

И ударил костяным крючковатым клювом по темечку, бил и бил, сглатывая кровь и крик Хадиуля, пока, с хрустом сжав правый кулак, Хадиуль не свернул ему шею и крики его не рванули прочь из вороньего горла.

За стенами чума бабахнуло ослепительно-ярким громовым раскатом, и Хадиуль высунулся наружу, чтобы увидеть, как, громом высеченный, проступает на скале чей-то гневно насупленный лик — белой, как кость, скале, великанской ладонью воткнувшейся в небо, с примостившейся елью подле неё...

А потом ель согнулась, заохала, разметала в траву рыжехвостые молнии белок. Белоснежный, как с неба упавшее облако, необъятно-огромный, точно сама скала, он сидел на верхушке ели — златоглазый небесный орёл⁹, и во лбу его ярко сияла звезда, и алмазной пылью изливали сиянье его венценосные перья.

Он дыхнул — и дыханье его обратило в пепел построенный чум и влило раскалённую кровь в пересохшие жилы костра, и Хадиуль упал на колени и протянул орлу всё, чем владел, — мёртвого ворона на руках его и шаманскую колотушку. — Ар-р! — сказал орёл, сплёвывая наземь вороньи кости. — Ар-ре!

.....

8. Ворон — птица-проводник шамана в Верхний мир. Он находится на далёкой звезде, куда можно долететь, ориентируясь по свету Луны.

9. Ель с плоской, как бы обрубленной вершиной, расположенная под скалой, — священное дерево, на таких в Верхнем мире зарождаются души шаманов — в виде орлов.

И небо треснуло, разорвалось пополам гро-
мовою вспышкой, точно ветхая оленья шкура,
и синие звёзды мигали в прорехах, и круглым
совиным глазом светила луна.

— Ар-р!—орёл наклонил голову, и, цепляясь за
скользкие перья, Хадиуль взобрался на шею ему.—
Ар-ра!

И Хадиуль ударил в бубен, приближая к глазам
своим белую, как тягучее молоко, снежно-ледяную
луну, отдаляя землю, исчезающую под орлиными
крыльями. Они плыли в чёрно-смоляной ночи,
сквозь хрустальные всполохи звёзд и кометы,
обжигающие орлиные перья, вдоль по лунной
дорожке, выведенной сквозь темноту, а потом в
солнцезаркой короне пред ними предстали золо-
тые ворота, распахнулись под ударами бубна—и
Хадиуль очутился в лесу.

Серебряно-золотое, билось марево вдоль де-
ревьев, великанскими стволами своими уходящих
куда-то ввысь, сплошь заросших черными дуп-
ляными ртами, и, прозрачные, как речная вода,
в дуплах ждали нерождённые души, и точёно-
звонкие голоса их ранили слух Хадиуля.

— Ар-ра-ре!—проскрипел орёл, умащая клёкотом
рану.— Ар-рар-рар?!

— Дальше, дальше!—пискнули души, стыдливо
прикрываясь ветвями.— Там, за лиственничным
лесом...

И орёл поднимался всё выше и выше, точно бе-
лое облако над верхушками леса, и пугливые души
пели вслед ему провожальную песнь, а потом небо
распахнуло собой необъятных размеров стволы,
открыв глазам Хадиулю широкое бескрайне-зелё-
ное поле, сплошь усеянное чумами цвета огня и
меди, с пенно-белыми реками, клубящимися меж
них. Сжимая в руках колотушку, Хадиуль прыг-
нул с орлиной спины, встал, разминая колени.
— Куда путь держите, странники?—смехом рас-
сыпалось в воздухе.— Какая нужда привела вас в
мой благостный край?

Выцокивая копытцами по камням, перед Хадиу-
лем стоял олень, сияющий ярче, чем самое яркое
солнце, и бледным ночным серебром светились
рога его, и на оленье сидел старик в бисерно-пё-
стром халате и, улыбаясь, смотрел на Хадиуля.

— Я должен видеть Хозяюку Верхнего мира,—
решительно сказал Хадиуль,— без её помощи нам
не справиться...

.....

10. Энекан Буга—Хозяюка Верхнего мира, сотворившая
землю и всё живое на ней. Предстаёт в образе седой
старухи. Также в Верхнем мире живут бог солнца, соби-
рающий тепло в кожаный мешок, чтобы выпустить его
весной в мир людей—Средний мир, и небесный старик
Куладай Мэргэн, разъезжающий верхом на золотом
олене с серебряными рогами и владеющий эликсиром
бессмертия. В Верхнем мире чумы—из чистого золота,
а реки текут молоком.

Взвихрив воздух разноцветными искрами,
олень переступил с ножки на ножку, задумчиво
склонил голову, будто высматривая под копытами
манкие ягельные поляны.

— Дальше, дальше идите!—хихикнул старик.—
Там, за реками, текущими мёдом и молоком, за
чумами золотыми...

Свист крыльев скомкал его слова, ветром швыр-
нул под ноги Хадиулю, еле успевшему заскочить к
орлу обратно на шею. И орёл мчался всё дальше
и дальше, над раззолоченными солнцем чумами
благословенного края, над белой медово-сладкой
водой, пока, опалённое жаром, не кончилось поле и
скалы, острые, как вороньи клювы, не встали пред
Хадиулем, не оглушили эхом орлиного клёкота.
— Ар-р! Ар-ра-ре?!—махнул крылами орёл.

Они сидели на зыбком, раскачивающемся, как
в бурю, утёсе, и по правую руку от него лежали
великие бездны, и бездны не меньшие лежали по
левую. А посреди них на войлочно-мягком облаке
возлежал краснолицый, румяный толстяк, при-
жимавший к груди туго набитый мешок, округлый,
подобно его животу.

— Дальше!—махнул устало толстяк коротенькой
пухлой ручкой куда-то за спину.— Там, за скалами,
раскалёнными от вечного жара, за долиной гудя-
щих камней...

И раскрыл свой мешок, выпуская наружу жёл-
тое, как плавленный сыр, пылью побитое солнце,
тотчас же развернувшее в небе колючие стрелы
лучей. Хадиуль отвёл глаза, спасаясь от невыра-
зимого жара и столь же ослепляющей яркости, и
орёл поднялся на крыло, унося его дальше и даль-
ше, пока утёсы не оборвались в пустоту, полную
мрака и звёзд, а из пустоты великанской ладонью
торчала скала, всем телом своим навалившись на
ель, а на ветвях её болтала ногами старуха с лицом
морщинистым, точно высохшая кора, манила
пальцем орла и Хадиуля.

— Моё почтение, Энекан Буга¹⁰,—враз пересох-
шим ртом сказал Хадиуль.— Искали мы тебя долго,
боялись уж, что не успеем найти...

— Меня найти никогда не поздно,—подмигнула
старуха,— как и просьбу свою изложить. Зачем
пожаловали?

Хадиуль протянул ей замятый за пазухой, сло-
женный вчетверо, от дождя и снега поплывший
бумажный листок, с едва различимым: «*Проект
строительства Эвенкийской ГЭС. Утвержде-
но...*»—и, гневно вскрикнув, старуха изорвала
листок на куски.

— Ишь что удумали, безобразники! Без моего
присмотра-то... Совсем распустились, бессты-
жие! Да не бывать этому никогда!—и сгнула в
вихре взметнувшийся пыли и заломанных веток,
а пустота вдруг навалилась на грудь Хадиуля—до
рёберного хруста, до красно-красных кругов
перед глазами.

— Ар-р! — закричал орёл, искривив назад белую, перьями заросшую шею. — Ар-ра-ре!

И ударил в темечко по-вороньи, надвое раздирая Хадиулеву душу, и одна половина её нырнула под землю, провалилась сквозь отверстие чума прямо на руки к радостно улыбнувшейся матери, а другая — вцепилась покрепче в орлиные перья, и орёл понёс её снова — через скалы, опалённые солнечным жаром, и молочные реки с медовыми берегами, через лиственничный лес и поющие души на ветках его — к великанской ели с плоской, точно ножом срезанною вершиной.

— Спи, — сказал орёл голосом Энекан Буги, укладывая Хадиуля в дупло, — а мы с вороном будем стеречь твой сон, пока не придёт тебе время вновь родиться на этой земле — самым великим шаманом. Спи.

И Хадиуль сложил под голову руки и спокойно заснул.

Эвенкийская ГЭС построена не будет. Об этом губернатор Красноярского края Лев Кузнецов заявил в ходе совещания по социально-экономическому развитию Эвенкийского муниципального района.

Разъясняя на брифинге журналистам своё заявление, Лев Кузнецов сказал, что «по итогам последней встречи с генеральным директором „РусГидро“ Евгением Додом я убедился, что в ближайших планах компании этого проекта нет. „РусГидро“ сейчас завершает прохождение процедуры ОВОС (оценка воздействия на окружающую среду) и будет класть проект на полку».

(Из материалов НИА (Независимого информационного агентства) — Красноярск)